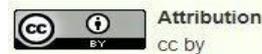


Научная статья
<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-10-12>
УДК 316.014+ 316.4.057.4+ 316.334.4



НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕФОРМАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАКТИК В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОВД В ИНТЕРАКЦИОНИСТСКОЙ И РЕЛЯЦИОННОЙ ПАРАДИГМАХ

Кочкин А.А., Голубихина Н.В.
Краснодарский университет МВД России

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема пределов действий сотрудников органов внутренних дел при осуществлении своих функциональных обязанностей. С одной стороны, известно, что работа следователя чрезмерно детерминирована нормами позитивного права: федеральным законодательством и ведомственными нормативными правовыми актами. С другой стороны, сотрудник ОВД – это индивид, имеющий свое «Я» и свои потребности, которые не всегда могут совпадать с интересами службы. В этой связи позитивно-правовая парадигма, в рамках которой трудятся следователи ОВД, иногда, в отдельных территориальных органах МВД России, создает аксиологическую концепцию, генерирующую альтруистические наклонности у служащего по защите ценностей российского общества, что эксплицируется через интеракционистскую и реляционную теории. Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что правовой ригоризм, который выступает в качестве составной части деятельности государственных служащих, проходящих службу в федеральных органах власти, являющихся частью правоохранительной системы в России, хотя и не способен полностью регламентировать повседневные поведенческие паттерны следователей органов внутренних дел, тем не менее создает такие условия, в которых цели, ради которых такая система и существует, реализуются за счет формирующийся ценностей у сотрудников ОВД.

Ключевые слова: позитивные нормы права, социология, микросоциология, интеракция, символическая власть, семиотика.

SOME FEATURES OF THE INSTITUTIONALIZATION OF INFORMAL SOCIAL PRACTICES IN THE ACTIVITIES OF AN ATS INVESTIGATOR IN THE INTERACTIONIST AND RELATIONAL PARADIGMS

Anton A. Kochkin, Natalia V. Golubikhina
Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Abstract. This article discusses the problem of the limits of actions of employees of internal affairs agencies in the exercise of their functional duties. On the one hand, it is known that the work of an investigator is excessively determined by the norms of positive law: federal legislation and departmental regulatory legal acts. On the other hand, an employee of the Department of Internal Affairs is an individual who has his own "I" and his own needs, which may not always coincide with the interests of the service. In this regard, the positive legal paradigm within which the investigators of the Department of Internal Affairs work, sometimes in separate territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, creates an axiological concept that generates altruistic inclinations in an employee to protect the values of Russian society, which is explicated through interactionist and relational theories. Thus, it seems possible to conclude that legal rigor, which acts as an integral part of the activities of civil servants serving in federal authorities that are part of the law enforcement system in Russia, although it is not able to fully regulate the daily behavioral patterns of investigators of internal affairs agencies, nevertheless creates such conditions, in particular whose goals, for which such a system exists, are realized at the expense of the values that are being formed among the employees of the Department of Internal Affairs.

Keywords: Positive norms of law, sociology, microsociology, interaction, symbolic power, semiotics.

Введение. Экскурс в историю становления социальных отношений не раз помогал раскрыть специфику формирования правовой сферы, которая постепенно стала занимать одно из ведущих мест в социуме, поскольку устанавливала рамки пределов отношений путем их дифференциации (разделяя, например, на частные и публичные) [1].

Это свидетельствует о том, что право в контексте регулирования социальных отношений становится тем инструментом, который дает, условно говоря, монополию на уточнение пределов установления векторов развития социальных актов, что, во-первых, ставит вопрос о возможности социального конструктивизма, то есть о том, способно ли общество самостоятельно организоваться, либо регулировать возникающие и трансформирующиеся отношения, а, во-вторых, нивелирует потенциал иных институций, которые ранее претендовали на возможность детерминировать социальную интеракцию (миф, традиция, обычай).

Безусловно, следует сказать о том, что вышеприведенные примеры являются скорее свидетельствами рудиментарных форм модерации социального взаимодействия, однако важно отметить, что, несмотря на гегемонию права как способа детерминации официальной парадигмы поведения, они и в настоящее время релевантны для повседневных практик индивида. Примером того, что право вынуждено соседствовать с иными системами координации повседневной практик индивидов, могут быть корпоративные отношения, формирующие не только и не столько этические требования к поведению сотрудников определенной организации (поскольку они могут быть зафиксированы в локальном акте или в должностном регламенте сотрудника), а неформальные отношения, способствующие проведению политики тимбилдинга, то есть укреплению сплоченности того или иного коллектива.

Венцом генезиса правовой среды как социальной сферы стало появление позитивного права; то есть, совокупности правил, детерминированных государственными институтами и закрепленных в официальных нормативных правовых актах, являющимися при этом легитимными и справедливыми (в том смысле, что позитивное право распространяется на определенный круг лиц и обязательно для исполнения и соблюдения этими лицами) для всех людей, либо для определенной группы лиц (к примеру, для сотрудников

органов внутренних дел [2] или даже для сотрудников конкретных подразделений ОВД, к которой можно отнести следователей [3]).

Одна из особенностей позитивно-правового регулирования социальных отношений заключается в том, что законодатель чаще всего дает общий вектор деятельности, широко очерчивает его, чтобы границы такого вектора, права людей и возможности осуществления обязанностей, нарушены не были, даже когда речь идет о подзаконных нормативно-правовых актах, которые, как известно, уточняют и разъясняют некоторые положения, изложенные в Федеральных законах и других официальных документах, распространяющихся на большую часть населения нашего государства.

В этой связи, появляется расслоение макро- и микроуровней деятельности государственных служащих, поскольку отдельные функциональные обязанности полицейских уточнены в актах МВД России и локальных актах территориальных органов, что, как отмечено выше, иллюстрируется на примере особенностей повседневной работы следователей.

Обсуждение.

С одной стороны, институт полиции стремится на правовом уровне детерминировать работу сотрудников органов внутренних дел, дисциплинировать их, чтобы они были, насколько это представляется возможным, оплотом действующего закона в Российской Федерации. С другой стороны, от сотрудников этого требует само государство, поскольку деятельность, связанная с обеспечением общественной безопасности, не может выходить за рамки правового поля.

Безусловно, существуют примеры обратного, однако сама природа такой социальной роли как следователь ОВД подразумевает максимальное дистанцирование носителя данной роли от личных интересов в пользу общественных. Однако в этой связи, появляется вопрос относительно того, как возможно сконструировать деятельность служащего федерального органа исполнительной власти так, чтобы он следовал тем идеалам, которые заложены в действующих нормативных правовых актах России, но при этом оставался личностью.

Самым, возможно, очевидным вариантом решения указанной проблемы является поиск тех людей, которых принято называть альтруистами, однако и здесь можно столкнуться с несколькими трудностями:

Во-первых, не всегда понятно, в чем конкретно должен проявляться, так называемый альтруизм.

Во-вторых, такой подход чреват «кадровым голодом» в различных территориальных органах МВД России на районном и региональном уровнях, поскольку не каждый кандидат на службу определяет в качестве ведущей мотивации работы в государственных органах помощь общественности, не говоря уже о том, что посредством анкетирования или собеседования не всегда удается выявить истинные мотивы стажера на службе.

Приоткрыть завесу особенности действий полицейских и дать ответы на указанные вопросы могут интеракционистская теория и реляционный подход к изучению поведения индивидов.

Интеракционистский подход показывает необходимость изучения повседневного поведения с позиции «Я» как действующего субъекта, который, осуществляя каждодневные социальные практики, взаимодействуя с другими «Я» и интерпретируя действия таких акторов, создает плотно социальную реальность.

Интеракционистская концепция понимания специфики институционализации неформальных социальных практик представлена в символическом интеракционизме Джорджа Мида и Герберта Блумера [4], теории вовлеченности и включенности и фрейм-анализа Эрвина Гоффмана [5], этнометодологии Гарольда Гарфинкеля [6] и конверсационном анализе Харви Сакса, а также в интерсубъективной девиантологии Говарда Беккера [7] и других теориях.

Можно сказать, что интеракционистская парадигма продолжает феноменологическую традицию в том смысле, что сознанию «Я», разуму и индивидуальности отдается приоритет в построении и интерпретации социального измерения в противовес структурному функционализму и системной теории. Так, интеракционисты в лице этнометодологов считают, что у людей при осуществлении их повседневных социальных практик появляются нерелективные правила поведения и речевых практик (занятие определенных позиций в общественном транспорте, нерелективный алгоритм захождения в следственный изолятор наряду с другими акторами, обсуждение материалов доследственной проверки и уголовных дел на обеденном перерыве).

В свою очередь, фрейм-анализ предоставляет возможность понять, как могут вести себя

люди в той или иной социальной ситуации и какие метанимичные (метафоричные) смыслы появляются в структуре их повседневной деятельности [8]. Это свидетельствует о наличии «лакун», условных поведенческих норм, которые конструируются в процессе повседневного взаимодействия. Нормы позитивного права не могут в настоящее время контролировать в полной мере особенности паттернов поведения следователей ОВД. При этом необходимо понимать, что область микросоциологии изучает те практики, которые только доступны стороннему наблюдателю-ученому, в силу чего не учитываются законодателем.

Следовательно, интеракционистский подход, который лежит в основе современного микросоциологического дискурса, представляет собой индуктивный способ исследования природы и особенностей функционирования социальной реальности. То есть, те идеи, на которых строится рассматриваемая теоретическая парадигма, изобилуют примерами того, что:

во-первых, любые «надстройки»; то есть, модусы социальной реальности, существующие в целях реализации официальной государственной правовой политики и призваны обеспечить возможность должного поведения граждан в рамках правового поля, не в состоянии охватить тот спектр социальных актов — в особенности неформальных (латентные действия, которые либо форсируют правовые нормы, либо не учитываются ими), — являющихся неотъемлемым элементом социальной действительности;

во-вторых, показывают, что макросоциологические теоретико-методологические основания исследования социальной жизни, несмотря на то, что они стараются охватить больший объем эмпирических данных — чаще всего, посредством различных видов опросов (анкетирования, глубинное интервью) и качественной выборки, — лишаются возможности скрупулезно изучить качественную сторону специфики социальной коммуникации.

Иными словами, эмпирический охват и продуманная выборка не представляют собой панацею от методологических проблем, связанных с интерпретацией полученных данных и погрешностями, вызванными слабой операционализацией при проработке и реализации рабочих программ исследований.

Следует сказать, что микросоциологическая методология, ориентированная на понимание логики поведения отдельной группы и свое-

образия норм конкретной группы людей, стремится к тому, чтобы максимально рафинированное — насколько это возможно — представление о деятельности участников социальных отношений. Говард Беккер, в этой связи, пишет: «Для изучения поведения, на которое обычно наклеивают ярлык девиантного, важнее всего то, что взгляды людей, осуществляющих это поведение, скорее всего будут достаточно сильно отличаться от взглядов тех, кто осуждает данное поведение. В этой ситуации человек может полагать, что его оценивают по правилам, к созданию которых он не причастен и которые он не признает, то есть по правилам, навязанным аутсайдерами» [7, с. 37]. Очевидно, что наилучшим способом изучения и понимания социальных отношений будет являться синтез микро- и макросоциологических подходов.

В свою очередь, сами действия, которые по указанным причинам игнорируются представительными органами власти на федеральном и региональном уровнях при разработке и принятии нормативных правовых актов, подобны понятию «квалия» в когнитивистике (то есть, категория, которая характеризует недескриптивные ощущения), поскольку иллюстрируют аспект социального взаимодействия, потенциально нерелевантного для официальных государственно-властных институций, но значимых для построения логики организации социальной реальности [9].

Реляционный подход, представленный сторонниками семиологии и акторно-сетевой теории, предполагает условное деление социального пространства на позиции и диспозиции, на объективные и объективируемые структуры и инкорпорированные, на распределение символического капитала, аккумулируемого и опосредованного другими видами капиталов (политического или экономического), на реконструирование природы социального посредством включения в социальные структуры иных акторов, относящихся к категории «не-людей» [10]. Реляционная концепция, то есть, система взглядов, учитывающая связи между объектами, характерными для материальной действительности, с одной стороны, и представлениями и установками индивида, с другой, выступает в качестве центристской, то есть она позволяет взять во внимание не только атрибутированные элементы деятельности социума, но и учесть отношение к ним, этические и эстетические особенности понимания социальных институций индивидами.

Пьер Бурдьё, строящий значительную часть своих исследований на базе семиотики, рассуждает о природе тотальных институтов, где люди подчинены строгому порядку и находятся в состоянии перманентной депривации. Французский исследователь, говоря о том, почему все-таки индивиды работают в условиях отсутствия гуманных представлений о специфике труда человека, пишет следующее: «Если описание наиболее отчуждающих условий труда и наиболее отчужденных рабочих звучит так часто фальшиво... так это оттого, что оно, следуя логике химеры, способно показать молчаливое согласие, которое устанавливается между наиболее бесчеловечными условиями работы и людьми, подготовленными нечеловеческими условиями своего существования к тому, чтобы их принять» [11, с. 139].

Это сторона вопроса, которая показывает генезис институционализации работы в отсутствии возможности соблюдения условий труда, открывает глаза на то, как в такой ситуации возможно рекрутирование кадров. Однако сам вопрос воспроизводства таких практик и мотивации сотрудников по Бурдьё выглядит следующим образом: «При этом нельзя не вспомнить о существовании инвестирования в сам труд, что приводит к тому, что труд становится способным приносить специфическую прибыль, не сводимую к денежной прибыли: этот «интерес» к труду, который частично создает «интерес» факту трудиться и который является отчасти следствием иллюзии, присущей участию в определенном поле, способствует тому, что труд, несмотря на эксплуатацию, становится приемлемым для рабочего» [11, с. 140].

Сентенции французского социолога помогают понять, почему работают сотрудники органов внутренних дел в некоторых подразделениях системы МВД России (особенно в следственных подразделениях ОВД, где работа напрямую связана с противодействием уголовно наказуемым деяниям, то есть обусловлена необходимостью взаимодействовать со спецконтингентом): сотрудники работают в трудных условиях ради идеи, над которой они не всегда рефлексируют, что и создает наличие возможной иллюзии, о которой говорит Бурдьё. Но следует заметить, что у Бурдьё труд ради самого труда невозможен, потому что лишен цели. Здесь же у сотрудника ОВД есть цель, возможно, достаточно приземленная, однако в конечном итоге она ведет к большим социальным благам вроде восстановления социальной справедливости. При этом подчеркнём, что

сложности работы следователя ОВД компенсируется за счет иных социальных гарантий.

Нельзя не согласиться с позицией Бурдые, но также важно указать на позицию Эдварда Шилза, который, развивая мысли о природе и свойстве харизмы, говорит о том, что у некоторых государственных институтов ее больше, чем у негосударственных. Особенность «государственной» харизмы кроется в том, что полномочий и власти у государственных институтов больше, чем у других субъектов общественных отношений, хотя при этом финансирование деятельности сотрудников государственных институтов может быть несколько ниже, чем в коммерческих [12].

Таким образом, социальная статусность отдельных категорий государственных служащих выступает в качестве дополнительного рабочего стимула, позволяющего соблюдать все правовые условия порядка организации деятельности в пределах территориального органа МВД России.

Заключение.

Таким образом, действующие нормы позитивного права, которые создаются для дисциплинирования следователей и уточнения порядка привлечения к ответственности злоумышленников в рамках предварительного следствия, не могут охватить все виды и формы работы сотрудников системы МВД России, поскольку социальная практика настолько многогранна, что законодатель просто не в силах «уловить» все ее проявления. Благодаря этому человек не может быть не свободен до конца в институтах государственной власти, но такая ситуация в конечном итоге может косвенно привести к проявлению делинквентного поведения среди служащих.

Что касается целесообразности законодательного регулирования неформальных социальных практик следователей ОВД и других сотрудников системы МВД России, то можно сказать, что данный вопрос остается проблемным, на что существует несколько причин.

Резюмируя вышеизложенные тезисы относительно социального конструктивизма, которые подчиняются собственной логике, построенной на устойчивых паттернах поведения индивидов и ожиданиях от этих действий, необходимых для появления устойчивой социальной интеракции (вместе с иными участниками социальных отношений), в основе которой лежит интерпретация этих действий [4], необходимо отметить, что ключевым моментом в данном случае будет являться то, что:

во-первых, такая социальная коммуникация не представляется чем-то значительным для

социальной реальности, поскольку наиболее релевантные акты уже детерминированы позитивными нормами права и закреплены в уголовно-процессуальном законе в действующей редакции;

во-вторых, современная российская правовая система не может дистанцироваться от взглядов на общественные отношения, продиктованные структурным функционализмом и системной теорией.

В конечном итоге, стоит иметь в виду, что следователи ОВД на том основании, что на них лежит груз ответственности, основанный на необходимости поступать в строгом соответствии с требованиями положений нормативных правовых актов Российской Федерации для привлечения лиц, уличенных в совершении уголовно наказуемого деяния, все же, имеют достаточную свободу действий, позволяющую им не только исходить из своих убеждений, но организовывать бытовые социальные акты таким образом, чтобы нивелировать состояние депривации, которое так или иначе может прямо или косвенно сказываться на состоянии профессиональной деятельности, что, в свою очередь, опять-таки может привести к поведению, выходящему за рамки правового поля.

Однако не следует забывать о том, что неправовое поведение не является маркером девиантного, поскольку речь идет о разных степенях нормальности. Андрей Корбут, размышляя над идеями Гарфинкеля, пишет: «Вместо тезиса о нормативной ориентации как основе социального порядка он предложил понимать порядок с точки зрения его воспринимаемой нормальности, основанной на повседневных конститутивных ожиданиях» [13, с. 81]. Поэтому воспринимая нормальность и ожидания являются одними из адекватных способов понимания организации повседневных социальных практик поведения.

При этом, что важно отметить, государственной системе удастся сформировать аксиологическую концепцию, которая культивирует в служащем аскетизм в пользу общества, что проявляется в специфике его повседневной деятельности (сотрудник может и в отдельных случаях должен работать сверх установленной нормальности продолжительности рабочего времени). Это позволяет восстановить социальную справедливость и в установленном законом порядке привлечь лиц, допустивших нарушения требования уголовно закона, к ответственности.

Таким образом, особенности институционализации неформальных социальных практик следователей ОВД, в отдельных случаях, могут способствовать реализации тем целям, которые

стоят перед правовым государством, но не являются следствием самой логики формирования таких паттернов поведения.

Конфликт интересов	Conflict of Interest
Не указан.	None declared.
Рецензия	Review
Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.	All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Шатковская, Т. В. Основы аграрной политики Российской Федерации в сфере земельных правовых отношений: теоретико-правовой аспект / Т. В. Шатковская, Е. М. Машукова, А. А. Шахназарян // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 7(223). – С. 445-447. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_445. – EDN DEPRKG.
2. Порядок ношения форменной одежды, который справедлив для всех сотрудников полиции, Приказ МВД России от 17 ноября 2020 г. № 777 «Об утверждении Правил ношения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации форменной одежды, знаков различия и ведомственных знаков отличия» // СПС «Гарант образование» (дата обращения 18.09.2024).
3. Приказ МВД России от 9 января 2018 г. № 1 «Об органах предварительного следствия в системе МВД России» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 19.09.2024). Как видно из названия документа, он регламентирует деятельность сотрудников следственных подразделений в системе внутренних дел России.
4. Блумер Г. Символический интеракционизм: перспектива и метод. М.: Элементарные формы, 2017. - 346 с.
5. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт социологии РАН; ФОМ, 2004. - 752 с.
6. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. - 334 с.
7. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. - 272 с.
8. Плотников, В. В. Специфика применения микросоциологических методов в исследовании деятельности российской полиции: этнометодологический подход / В. В. Плотников, А. А. Кочкин // *ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура*. – 2020. – № 2(79). – С. 72-79. – EDN MAWSHX.
9. Chalmers D. Facing up to the problems of consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1995. 2 (3). P. 200–219.
10. Латур. Б. Пастер: Война и мир микробов, с приложением «Несводимого». СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. - 316 с.
11. Бурдые П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; Отв. ред. Перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 288 с.
12. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // *Американская социология: перспективы, проблемы, методы* / Отв. ред. Г.В. Осипов. / Пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. М., 1972. -С. 341-348.
13. Корбут, А. М. Концепция конститутивного порядка в этнометодологии / А. М. Корбут // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2013. – Т. 16, № 2. – С. 65-82. – EDN QCWTFE.

References:

1. Shatkovskaya, T. V. Fundamentals of the agrarian policy of the Russian Federation in the field of land legal relations: theoretical and legal aspect / T. V. Shatkovskaya, E. M. Mashukova, A. A. Shakhnazararyan // *Law and the State: theory and practice*. – 2023. – № 7(223). – Pp. 445-447. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_445. – EDN DEPRKG.

2. *The procedure for wearing uniforms, which is valid for all police officers, Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation No. 777 dated November 17, 2020 "On Approval of the Rules for Wearing uniforms, insignia and departmental insignia by employees of the Internal Affairs bodies of the Russian Federation" // SPS "Garant Education" (accessed 09/18/2024).*
3. *Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated January 9, 2018 No. 1 "On preliminary investigation bodies in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia" // SPS "ConsultantPlus" (accessed 09/19/2024). As can be seen from the title of the document, it regulates the activities of employees of investigative units in the internal affairs system of Russia.*
4. *Bloomer G. Symbolic interactionism: perspective and method. M.: Elementary forms, 2017. - 346 p.*
5. *Hoffman I. Frame analysis: An essay on the organization of everyday experience. M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; FOM, 2004. - 752 p.*
6. *Garfinkel G. Studies in ethnomethodology. St. Petersburg: St. Petersburg, 2007. - 334 p.*
7. *Becker G. Outsiders: research on the sociology of deviance. M.: Elementary forms, 2018. - 272 p.*
8. *Plotnikov, V. V. Specifics of the use of microsociological methods in the study of the activities of the Russian police: an ethnomethodological approach / V. V. Plotnikov, A. A. Kochkin // SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture. – 2020. – № 2(79). – Pp. 72-79. – EDN MAWSHX.*
9. *Chalmers D. Facing up to the problems of consciousness // Journal of Consciousness Studies. 1995. 2 (3). P. 200–219.*
10. *Latour. B. Pasteur: War and the world of microbes, with the appendix "Irreducible". St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2015. - 316 p.*
11. *Bourdieu P. Sociology of social space / Trans. from French; Ed. Translated by N.A. Shmatko. – M.: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteya, 2005. – 288 p.*
12. *Shils E. Society and societies: the macrosociological approach//American Sociology: prospects, problems, methods / Ed. by G.V. Osipov. /Translated from the English by V.V. Voronin and E.V. Zinkovskiy. M., 1972. - pp. 341-348.*
13. *Korbut, A.M. The concept of constitutive order in ethnomethodology / A.M. Korbut // Journal of Sociology and Social Anthropology. - 2013. – Vol. 16, No. 2. – pp. 65-82. – EDN QCWTFF.*

Информация об авторах:

Кочкин Антон Андреевич, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; E-mail: kochkin@a-kochkin.ru

Голубихина Наталья Валерьяновна, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России. E-mail: ptic_natali@mail.ru.

Anton A. Kochkin, Lecturer at the Department of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Krasnodar, Russian Federation.

Natalia V. Golubikhina, Candidate of Law, Deputy Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.